

Д. С. ЛИХАЧЕВ

История древней русской литературы в трудах • В. П. Адриановой-Перетц

Все, кому выпало счастье консультироваться с Варварой Павловной по научным вопросам, знают ее удивительную черту: быстро и глубоко вникать в самое существо вопроса, обобщать и связывать явления в единую целостную картину. Интерес к новым идеям, к новым фактам и новым памятникам сочетается у В. П. с умной способностью развивать с их помощью собственные представления об историко-литературном процессе древней Руси. В. П. — прирожденный руководитель больших коллективных трудов. Она дает этим трудам строго научное направление, не связывая научной инициативы участников, а, напротив, поддерживая эту инициативу и вводя ее в единое русло стройных обобщений. Свои научные работы В. П. всегда строит в связи с общими задачами науки. Наметив те или иные проблемы, подлежащие изучению в общем плане, В. П. всегда приступает к их конкретному изучению.

В 1937 г., работая в Издательстве Академии наук СССР, я получил для литературной и технической вычитки рукопись покойного А. А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.». Работа А. А. Шахматова увлекала своей сложностью и стройностью, она без всяких пышных фраз убеждала читателя в высоте культуры древней Руси, богатстве ее историософских концепций. Я решил тогда заниматься летописанием и отправился для консультации к В. П. Ознакомившись с моими интересами (в то время я интересовался еще и Новгородом, новгородским искусством), В. П. быстро нашла для меня тему — «Новгородские летописные своды XII века» — и, обрисовав ее историко-литературное значение, сумела внушить к ней такой интерес, что я ушел от В. П. убежденный, что иной лучшей темы для меня на первых порах и не найти. Через три года я защитил по ней кандидатскую диссертацию.

Для многих и многих начинающих научных работников эффект научных консультаций В. П. такой же, если не больший. Секрет этого умения найти тему и заинтересовать ею молодого ученого, я думаю, состоит в том, что для В. П. не существует тем «в себе». Каждая тема мыслится ею в широкой историко-литературной перспективе, она нужна для целого и не имеет только частного значения. Если тема что-то объясняет в историко-литературном процессе, открывает перспективы дальнейших исследований, приносит историко-литературную пользу, — она нужна. Двери, которые открывает В. П. перед молодым исследователем в науку, — это двери целой дворцовой анфилады. История литературы для В. П. — это захватывающий своей красотой дворец, в котором каждый зал создан

в своем стиле — стиле своей эпохи, связан со своими историческими припоминаниями, своими историческими обитателями.

Исследователь литературы может быть литературоведом, но может быть и историком литературы. В. П. — историк литературы по преимуществу. Это в значительной степени обусловлено не только ее способностями к широкому обобщению, но и ее глубокими и разносторонними знаниями в области истории и искусства древней Руси.

Уже первые работы В. П. были своеобразными «пробами пера» в этом направлении. Она обращается к древнеукраинской литературе, совсем в те времена еще не изученной.

В небольшой статье 1908 г. «Евангелие Фомы в старинной украинской литературе» В. П. показывает, как в XVIII в. этот памятник становится типичной «народной книгой», как в него включаются народные легенды и как он сам становится материалом для народных сказаний. Конкретные связи фольклора и литературы будут В. П. интересовать и в дальнейшем, на всем пути ее научных исследований.

Ряд ее статей, посвященных литературной истории Толковой палеи, также показывают этот памятник в развитии, в его связях с историко-литературным процессом и в его типичных для каждой эпохи изменениях. Особенно интересна судьба этого памятника (созданного еще в XIII в.) во второй половине XVIII в. на Украине, когда там усиленно ходили слухи о появлении некоего Саббатаи Цви, объявившего себя Мессией.

Тем же интересом к литературной судьбе произведения отмечено и ее исследование 1911 г. — «К истории текста „Аристотелевых врат“». Исследование объясняло, между прочим, причины популярности этого памятника в XVI, XVII и XVIII вв., а также показывало изменения, происходившие в нем, постепенный рост в его составе народных элементов и исчезновение непонятных читателям — иноязычных.

Последующие работы В. П., посвященные отдельным украинским спискам сборников слов и поучений, «Аристотелевых врат», «хождениям» в святую землю игумена Даниила, Варлаама Леницкого, Ипполита Вишенского, Василия Гагары, Данила Корсунского, началу стихотворства, началу русского театра, истории цен на книги, носят в той или иной мере отпечаток историко-литературных интересов автора. Переписчики, читатели, зрители театральных представлений и постановщики, хранители рукописей, покупатели книг, носители легенд, «ученые» паломники — вот главные герои исследований В. П., которую в первую очередь во всех ее работах интересуют взаимоотношения литературы и народа, роль народа в историко-литературном процессе.

Этот аспект изучения старинной украинской и русской литературы был не только нов для своего времени, — он позволял взглянуть на историю литературы с точки зрения истории изменения читательских вкусов, истории ее взаимоотношений с фольклором. Он позволял в литературной судьбе каждого памятника увидеть отражение в миниатюре всего историко-литературного процесса.

С этой последней точки зрения исключительный интерес представляет большое исследование В. П. — «Житие Алексея Человека божия в древней русской литературе и народной словесности» (Пгр., 1917). До появления этой книги ни одна литературная история памятников не подвергалась еще такому подробному и глубокому исследованию. Судьба памятника исследовалась В. П. по всем спискам, начиная от древнейших и кончая самыми поздними. В. П. изучала отражение памятника в разнообразных фольклорных произведениях — древнерусских и украинских, в школьной драме, в стихотворстве, в церковном красноречии. Она установила международ-

ные связи памятника, его переводы с других языков и на другие языки.

Исследование текста «Жития Алексея Человека божия», его литературной истории до сих пор является образцовым, несмотря на то что со времени издания книги прошло уже более полувека. Работе этой подражают у нас и за рубежом историки средневековых литератур в своих исследованиях отдельных памятников. И опять-таки следует подчеркнуть: и в исследовании этого памятника, как и многих предшествующих, его история для В. П. — только часть истории литературы. Читая книгу В. П., мы следим за сменой литературных вкусов и приемов переработки текста, за историей идей и сложным развитием взаимоотношения литературы и фольклора. Мы узнаем из книги В. П., как перерабатывался памятник для театра, как взаимодействовали отдельные жанры фольклора и литературы, как соотносились украинская, русская и польская литература.

Литературная история «Жития Алексея Человека божия», реконструированная В. П., может быть названа историей древне-восточнославянских литератур в миниатюре.

Широкий историко-литературный подход к изучению литературной судьбы отдельных памятников явился только одним из подступов к полному пересмотру концепции историко-литературного процесса русского и украинского средневековья, существовавшей в старой академической науке. Надлежало пересмотреть также и самый репертуар памятников, который традиционно привлекался для построения историко-литературных обзоров старинной нашей литературы.

Впоследствии в статье «Основные задачи изучения древнерусской литературы в исследованиях 1917—1947 гг.» В. П. писала: «Новая точка зрения на этот репертуар и пополнение его новыми находками и включением в кругозор литературоведа произведений, ранее оставшихся вне его поля зрения, радикально изменили наше представление о самом происхождении древнерусской литературы и о преобладающем ее характере».¹ Работы В. П. в этом направлении касаются прежде всего XVII в. Эта эпоха была совершенно не понята в старом академическом литературоведении. Не понят был переходный характер литературы XVII в., от древней к новой. На этот счет существовали разные точки зрения, каждая из которых была слабо обоснована и не столько осмысляла материал изнутри, сколько «накладывалась» на него сверху. Не понята была классовый характер древнерусской литературы этого периода и разнообразие сосуществовавших в ней стилей.

Неясности с XVII веком были настолько велики, что один из первых литературоведов, попытавшихся создать историю древней русской литературы как стилистическую характеристику различных эпох, акад. А. С. Орлов, вовсе отказался в первом издании своих лекций по древнерусской литературе от задачи исследования XVII в. Курс А. С. Орлова кончался на XVI в. Только во втором издании А. С. Орлов включил все же небольшую главу о XVII в., дав в ней чисто внешнюю и крайне беглую характеристику отдельных памятников XVII в., но не самой эпохи.

В. П. обратила внимание на неполноту самих наших представлений о XVII в., создававшихся на основе тех немногих памятников XVII в., которые обычно рассматривались в различных курсах истории древнерусской литературы. Она занялась изучением и изданием памятников демократической сатиры.

¹ ТОДРЛ, т. VI, М — Л, 1948, стр. 5—6.

Демократическая сатира была центральным звеном в длинной цепи сложных явлений XVII в. Она свидетельствовала прежде всего о наличии значительного классового расслоения в литературе, о проникновении в литературу фольклора и о критическом отношении к действительности большинства народа. Сатира отражала действительность «бунташного века» с точки зрения эксплуатируемых слоев народа, говорила о появлении критического направления в русской литературе и сама по себе была очень национальна по духу, языку и стилю.

Многочисленные публикации и исследования этой демократической литературы, начатые В. П. еще в 20-е годы и завершившиеся обобщающей книгой 1954 г. «Русская демократическая сатира XVII века», совершенно изменили наши представления о XVII в. Важнейшее звено в истории русской литературы переходного периода было извлечено из забвения и подвергнуто изучению. Нельзя сказать, что до В. П. памятники демократической сатиры не были известны вовсе. Большинство было известно, но им не придавалось значения; они казались памятниками «низшего» рода, мало интересными и грубыми, не художественными. Изданы они были неряшливо, по случайным спискам. Не были установлены их происхождение, их взаимосвязи, их идейное значение, как выразителей дум и настроений посадского населения городов и грамотной части деревни.

Очень важно и интересно предположение В. П., что создателей демократической сатиры XVII в. выдвинула профессиональная среда «площадных подъячих», плебейской части духовенства, мелких приказных служащих, мелких посадских и сельских грамотеев.²

В. П. отмечает: «В XVII в. процесс создания сатиры как особого вида художественной литературы идет рядом с энергичным развитием народной сатиры — спутницы антифеодальных движений этого времени».³

Обращая внимание на громадную роль демократической литературы в историко-литературном процессе XVII в., В. П. пишет: «Появление в литературе демократических слоев посада антифеодальной в своем основном направлении сатиры именно в XVII в. было закономерным следствием активного участия этой части посадского населения в классовой борьбе, особенно обострившейся уже с конца XVI в.»⁴

Благодаря открытию значения сатирической литературы все стало на свое место в историко-литературном процессе XVII в. Обращение к украинскому барокко в литературе верхов феодального общества уравновесилось обращением к фольклору в его эксплуатируемом большинстве. Торжественно-парадный и высокий стиль официальной литературы оказался только одной из сторон той системы стилей, на противоположном конце которой находился резко сниженный и фольклорный стиль демократической сатиры. Век контрастов действительности оказался веком контрастов и в литературе. Классовая борьба не только отражалась в литературе, но и имела в ней свое продолжение. Важно было и то, что сатирическое направление в литературе получило свое мощное развитие в XVIII в. Мост между литературой XVII в. и литературой XVIII в. был переброшен.

Редко на долю исследователя литературы выпадает такой громадный научный успех, какой выпал на долю В. П. в результате ее систематических и упорных занятий демократической литературой. Новая концепция литературы XVII в. была создана не в результате «комбинации» и

² В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. М—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 160

³ Там же, стр. 184.

⁴ Там же, стр. 159.

осмысления старых, уже циркулировавших в науке материалов, а на основе большого слоя вновь введенных в кругозор исследователей памятников, — памятников, которые сами по себе открывали целую новую область явлений литературы, необычайно перспективную.

Все работы В. П. — от ее самых первых и до написанных за последний год — так или иначе связаны с идеей глубокой роли народа в историко-литературном процессе. Демократическая литература подтвердила эту мысль, обычно только риторическую у многих других литературоведов, вполне «материально».

Стремление выяснить роль народа в историко-литературном процессе обусловило постоянный интерес В. П. к проблеме взаимоотношения фольклора и литературы. Это взаимоотношение исследовалось В. П. в частных исследованиях еще дореволюционного периода. Интерес к этой проблеме был доминирующим в публикациях и работах, посвященных ею демократической литературе, и он же лег в основу ряда обобщающих статей послевоенного периода: «Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы)» (ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 5—16), «„Слово о полку Игореве“ и русская народная поэзия» (ИЮЛЯ, т. 9, 1950, вып. 6, стр. 409—419), «Историческая литература XI—начала XV века и народная поэзия» (ТОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 95—137), «Исторические повести XVII века и устное народное творчество» (ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 67—96) и ряд глав коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество» (т. I, М.—Л., 1953).

Во всех этих работах на основе большого опыта ряда собственных конкретных исследований В. П. выступает против ограничения изучения взаимоотношения фольклора и литературы формальными, механистическими сопоставлениями отдельных элементов (метафоры, эпитеты, отрицательные сравнения, образы и пр.). Она требует объяснения проникновения фольклора в литературу и литературных мотивов в фольклор и предлагает искать эти объяснения в явлениях идеологии и мировоззрения, в условиях существования литературного и фольклорного произведения и пр.

Приведу ряд выдержек из работ В. П. для пояснения позиций, занимаемых ею в этом вопросе.

В статье «Историческая литература XI—начала XV века и народная поэзия» В. П. пишет: «Дореволюционное и советское литературоведение накопили довольно много фактов, свидетельствующих о прямых отражениях устнопоэтических сюжетов или мотивов в памятниках древнерусской литературы. Однако многие из этих фактов еще не до конца исследованы. Уточнения в ряде случаев требует прежде всего самый материал, подлежащий сопоставлению: рукописный текст литературного памятника и его предполагаемый фольклорный источник. На основе детально разработанной истории текста литературного произведения необходимо точно установить, в какой момент своей жизни оно подверглось воздействию фольклора, — при возникновении или в одной из позднейших редакций, другими словами, в какой исторической обстановке, в силу каких причин произошло сближение устной и письменной литературы, какова связь этого сближения с классовой направленностью всего литературного произведения в целом».⁵ Дальше В. П. утверждает: «Задача исследователя заклю-

⁵ ТОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 98.

чается в том, чтобы в каждом отдельном случае определить идейный смысл того устного источника, которым воспользовался писатель».⁶

«Советское литературоведение, — заявляет В. П., — не может ограничиться указанием отдельных случаев отражения фольклора в литературных жанрах. Опровергая господствовавшее в дореволюционной науке представление об оторванности в средние века книжности от устной поэзии, исследователи за последние десятилетия доказали непрекращавшееся общение этих двух областей словесного творчества, наметили периоды, когда это общение становилось особенно оживленным, и поставили вопрос об исторической обусловленности процесса взаимодействия литературы и фольклора. Впереди большая работа над изучением того, как протекал этот процесс в каждую эпоху, в каждом литературном жанре, какую функцию выполняли элементы фольклора в формировании идейно-художественного своеобразия литературы, в чем их качественное отличие от специфически книжных».⁷

«Проблема взаимоотношения в древней Руси литературы и фольклора — это проблема соотнесения двух мировоззрений и двух художественных методов, то сближавшихся до полного совпадения, то расходившихся по своей принципиальной непримиримости» — с этого принципиального положения начинается первая из серии статей В. П. о взаимоотношении литературы и фольклора — «Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы)».⁸ Далее В. П. пишет: «Свойственное писателю и народному поэту отношение к исторической действительности, оценка ими событий и лиц, задачи художественного отражения жизни в слове и методы, которыми эти задачи осуществляются, — вот что составляет основной предмет сравнительного изучения исследователя, поставившего перед собой проблему взаимоотношения древнерусской литературы и фольклора».⁹

Книжность и фольклор выступают для В. П. как два враждебных мировоззрения и их взаимоотношения есть прежде всего взаимоотношения борьбы: «Показать борьбу в литературе и отчасти в фольклоре этих двух враждебных друг другу мировоззрений — значит приблизиться к определению сущности проблемы взаимоотношения писателя и народного поэта древней Руси».¹⁰

«Родство подлинно-народных памятников древнерусской литературы с творчеством трудового народа возникает тогда, когда писатель и народный поэт сходятся в своем отношении к исторической действительности».¹¹ Отсюда главная задача: «Литературоведение должно представить характер, границы и причины сближения тех или других приемов отражения действительности в творчестве древнерусского писателя и народного поэта и в то же время определить качественные отличия между функцией каждого из этих совпадающих приемов в каждом отдельном конкретном случае».¹²

Вместе с тем В. П. указывает, что «фольклора вообще, с единой целеустремленностью, с единым отношением к действительности не было даже в пределах каждого отдельного исторического момента».¹³ В связи

⁶ Там же

⁷ ТОДРА, т. VI, стр. 9.

⁸ ТОДРА, т. VII, М.-Л., 1949, стр. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 6.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 9.

¹³ Там же, стр. 10.

с этим В. П. ставит задачу, которая до сих пор мало привлекает к себе внимание исследователей, но исключительно важна: «... четкая классовая характеристика всего этого устнопоэтического наследия древней Руси — первоочередная, неотложная задача, чтобы в каждом отдельном случае исследователь мог с определенностью показать, фольклором какого класса воспользовался писатель, сохранил или изменил он самую суть использованного устного материала, и чем вызвано его отношение к этой сущности. Следует также иметь в виду, что не каждый период средневековья отразил в литературе классовую неоднородность фольклора».¹⁴

Я останавливаюсь так подробно на высказываемых В. П. взглядах на взаимоотношение литературы и фольклора потому, что эти взгляды, выросшие на основе ее многочисленных конкретных исследований, имеют принципиальное значение для совершенно новой постановки этой проблемы, предлагаемой В. П.; кроме того, эти взгляды очень важны с точки зрения историко-литературной. Они позволяют по-новому рассмотреть и понять взаимоотношение с фольклором книжных исторических жанров.

Идя по пути исследования взаимоотношения исторического повествования с народной поэзией, В. П. установила любопытную закономерность. Летописание XI—начала XII в., объединенное в «Повести временных лет», по своей идеологической устремленности представляло благодарную почву для установления тесных связей с творчеством трудового народа, особенно с его историческим эпосом. Последний использовался и как исторический источник, и как идейная опора повествования летописца. Однако в дальнейшем мировоззрение летописцев подвергается все большему воздействию феодального общественного строя. Связи летописания с фольклором слабеют. Новые политические задачи летописания все больше отчуждают летописцев от устной истории народа.

Вместе с тем В. П. отмечает существенные особенности отбора фольклорных сюжетов летописцев. «Насколько охотно включал в свой рассказ летописец проникнутые горячим патриотизмом предания о героическом прошлом, о борьбе Руси с внешними врагами, о героях, выделявшихся в этой борьбе, настолько планомерно он замалчивал несомненно существовавшие рассказы или песни о борьбе трудового народа с эксплуатацией, нараставшей по мере углубления феодализации. Феодальная идеология летописца не допустила его стать на сторону народа в этой борьбе, поэтому он, такой внимательный в других случаях к „неписаной истории“, совершенно обошел фольклор, отражавший классовый протест „смердов“ и городских ремесленников против нажима феодальных верхов».¹⁵

Новая постановка вопроса о взаимоотношении литературы и фольклора позволила В. П. иначе, чем это было принято в исследовательской литературе до того, осмыслить и фольклоризм «Слова о полку Игореве». Цель своей статьи «„Слово о полку Игореве“ и устная народная поэзия» В. П. определяет так: «Наша задача состоит в том, чтобы и некоторые стороны художественного метода отражения действительности, свойственные автору „Слова“, представить в их отношении к своеобразному мировоззрению устной поэзии, в частности народного, героического и сказочного эпоса».¹⁶ Связь «Слова» с народной поэзией предстает перед исследовательницей как связь прежде всего идейная, за которой следует и связь внешняя: перенос в «Слово» отдельных образов, мотивов, приемов, символов, метафор, сравнений и пр.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ТОДРА, т. VIII, стр. 107

¹⁶ Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М—Л, 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 293—294.

Специалисты по древней русской литературе хорошо знают, что именно В. П. является главным организатором и вдохновителем всех наиболее крупных коллективных историй древней русской литературы, созданных в 40—50-х годах в Институте русской литературы АН СССР, а также единственной в своем роде попытки 1953 г. создать историю русского фольклора XI—XVII вв. Я имею в виду первый том трехтомной (последний том не вышел) «Истории русской литературы» под главной редакцией В. А. Десницкого, первые два тома (второй том в двух частях) десятитомной «Истории русской литературы» Института русской литературы АН СССР, первую часть первого тома трехтомной «Истории русской литературы» под редакцией Д. Д. Благого, а также первый том коллективного труда — «Русское народное поэтическое творчество» в издании Института русской литературы АН СССР.

Во всех этих изданиях под руководством именно В. П. создавалась общая концепция историко-литературного и историко-фольклорного процесса X—XVII вв., вводилась своя периодизация, решались все «сквозные» проблемы, которые должны были охватывать отдельные главы и определять общий характер изложения и трактовки материала.

Все три истории древней русской литературы имеют во многом общие принципы построения и развивают единую концепцию.

Прежде всего, отметим детальную периодизацию историко-литературного процесса, основанную в значительной мере на периодизации общесоциологической. Во-вторых, все три истории русской литературы в своем построении в основном выдвигают на первое место исторические жанры, и в частности летопись. Именно исторические жанры дают четкие границы смен идей и стилей и позволяют более точно датировать связанные с ними другие памятники литературы. В-третьих, во всех трех историях древней русской литературы В. П. придает очень большое значение полноте охвата материала, включению новых произведений, пересмотру традиционно сложившегося репертуара памятников, обычно включавшихся в общие курсы в XIX в. и в начале XX в. В-четвертых, историко-литературный процесс увязан в историях древней русской литературы с историей русской культуры в целом. В первые две истории литературы, помимо общесоциологических введений, включены специальные разделы по истории древнерусского искусства, позволяющие рассматривать движение литературы синхронно с движением других искусств. Но самое главное — в общей концепции истории литературы уделено очень большое внимание роли народа и роли народного творчества в создании памятников литературы.

Как бы ни были велики эти концепционные достижения, сделанное в историях литературы В. П. считает недостаточным. Так, по поводу изображения роли фольклора в десятитомной «Истории русской литературы» В. П. пишет: «Значительно, как видим, расширив выводы о роли фольклора в процессе становления и дальнейшего развития древнерусской литературы, и этот итоговый обзор не придал должной глубины как постановке самой проблемы соотношения литературы и фольклора в древней Руси, так и конкретной разработке этой проблемы. В большинстве случаев авторы статей об отдельных памятниках дают лишь перечень примеров прямого соприкосновения литературы и устной поэзии, не касаясь вопросов сравнительного изучения их мировоззрения и художественного метода».¹⁷

Только временной и вынужденной считает В. П. и принятую ею историческую периодизацию. Она так характеризует перестройку периодиза-

¹⁷ ТОДРА, т VIII, стр. 37.

ции истории древней русской литературы: «Общая перестройка науки об искусстве, вытекающая из принципов марксистско-ленинской методологии, и расширение репертуара древнерусской литературы поставили заново перед литературоведами проблему периодизации литературного развития XI—XVII вв. Заранее следует оговориться, что неразработанность исторической поэтики русского средневековья вынуждает пока основывать периодизацию главным образом на исторической схеме. Попытки такого рода периодизации, учитывающей смену исторических эпох, делались и в дореволюционных обзорах. Однако принципиальное отличие от них советских «историй древнерусской литературы» заключается в том, что коренным образом изменилось, в итоге перестройки советской исторической науки, само наше представление о ходе общественно-экономического и политического развития древней Руси. Неизбежно по-новому поэтому представлялась и смена литературных направлений, определявшихся этим развитием».¹⁸

Дальнейшие исследования должны, по мысли В. П., охватить и изучение художественной формы отдельных произведений. Сознвая, что созданные истории древней русской литературы требуют дальнейшего совершенствования, В. П. писала: «Развитие литературы с точки зрения ее художественного выражения показано в этих обзорах далеко не достаточно: для полноты картины этого развития недостает специальных исследований художественного стиля древней Руси».¹⁹ Отвечая этой потребности, В. П. пишет «Очерки поэтического стиля древней Руси» (М.—Л., 1947), в которых подвергает тщательному анализу традиционные метафоры и символы древнерусской литературы опять-таки в их связях с фольклором.

Большое значение придает В. П. изучению взаимоотношения русской литературы со славянскими литературами. Причем от исследования эпизодических заимствований В. П. уже в 1947 г. предлагает перейти к изучению славянской культурной общности. В. П. пишет: «Особое внимание привлекает проблема русско-славянских культурных взаимоотношений. Уже отмечен ряд фактов, свидетельствующих об усвоении южными и западными славянами памятников древнерусской литературы (и искусства). Однако советское литературоведение стремится расширить вопрос и, не ограничиваясь указаниями на заимствования одними славянскими народами у других, поставить проблему общности культуры славянских народов в средние века. Эта именно общность служила и служит подлинной причиной интенсивного сближения культур русских и славянских на разных этапах их истории».²⁰ Вместе с тем в статье «Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности» (ТОДРЛ, т. XIX, М.—Л., 1963) В. П. дала наиболее полный свод всех отдельных проципований древнерусских произведений к болгарам и сербам. Написание истории древней русской литературы в связи с историями других славянских литератур признается ею одной из наиболее важных очередных задач.

Первый том коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество» — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков» — явился как бы реализацией многих теоретических положений, высказанных В. П. в ее статьях по взаимоотношению литературы и фольклора предшествующих лет. Ведь фольклор

¹⁸ ТОДРЛ, т. VI, стр. 7--8.

¹⁹ Там же, стр. 8.

²⁰ Там же, стр. 11.

древнейшего периода сохранился главным образом в литературе и мог быть извлечен оттуда только благодаря новой методике, выработанной для этого В. П. Но и этот том В. П. считает далеким от совершенства, подвергая постоянному пересмотру отдельные свои точки зрения, хотя и сохраняя неизменным свой подход к взаимоотношению фольклора и литературы как к явлению идеологической борьбы и единства.

Таким образом, В. П. не успокаивается на достигнутых результатах. Она ищет новых путей построения истории древней литературы. Эти поиски она направляет главным образом в сторону изучения и публикации новых памятников, изучения связей литературы с фольклором и искусством, с общен историческим процессом.

Сделанное В. П. огромно. Как организатор науки крупного масштаба, она вывела изучение древней русской литературы из профессиональной замкнутости, энергично привлекает историков, лингвистов, искусствоведов.

В. П. — незаменимый консультант, редактор, научный руководитель, советчик. Она не только консультирует научную молодежь — она ее пестует, заботливо воспитывает и тренирует. Она проверяет работу своих младших помощников на всех этапах: установление истории текстов и их подготовку, подведение разночтений, реконструкцию текстов, их интерпретацию и исследование.

Требую от молодых научных работников смелых обобщений и самостоятельных построений, она вместе с тем выступает энергичной противницей обобщений необоснованных, выводов скороспелых, претенциозных, рассчитанных на сенсацию.

В. П. не только обучает, но и воспитывает. Наука и принципиальность, порядочность поведения в отношении своих товарищей — для нее неотделимы. Она нетерпима к научному карьеризму и к эгоцентрической сосредоточенности только на своей работе. Умение работать рука об руку с товарищем по специальности — не только ее личная характеристическая черта, но и первое принципиальное требование, которое она предъявляет к своим младшим помощникам.
